

Нефедев С.Н. МЕТОДЫ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Феноменологическая редукция используется как средство перехода от онтического способа рассмотрения мира к онтологическому, что подразумевает элиминацию абстрагирующих процедур с целью обеспечения непосредственного контакта исследователя с предметом исследования. Благодаря утвержденному посредством редукции “единомирию”, исследователь может наблюдать не эмпирические, а феноменологические “причинно-следственные” связи, образующиеся в сознании между восприятиями разной степени ясности. В этом случае, более ясные восприятия считаются причинами, а менее ясные – следствиями. Такая связь является чисто “идеальной” и не производит реального действия, поэтому и не предполагает проверки практикой, она лишь вскрывает смысловой горизонт жизненного мира.

Необходимо отличать феноменологическое описание от эмпирического описания и от научно-теоретического объяснения, т.к. оно относится к сфере внутреннего опыта, совершается изнутри последнего, с позиции включенного наблюдателя. “Мы можем говорить о событии, лишь, будучи уже “втянутыми” в выражающую его душу и осуществляющее его тело...” [2, с.182]. Интенциональное сознание конституирует предмет, но не конструирует его, иначе оно оказалось бы сознанием теоретическим, не-включенным. Феноменальная же реальность фактична, до-теоретична.

Феномен как органическая целостность несет в себе внутренние закономерности развития, не связанные напрямую ни с онтической, ни с имагинативной реальностью. В этой особенности и проявляется его независимая, и от объективной и от субъективной реальности, онтологическая природа.

Феноменологическое исследование – это естественный переход от феноменологического описания к истолкованию. Данная процедура возможна и правомерна, т.к. оба процесса протекают в едином поле - поле повествования (включены в нарративную сферу). Описание дает нам ассоциативно-генетическую развертку феномена в горизонт, а истолкование - призвано прояснить смысловые связи между феноменами и в итоге выявить характер включения автора и интерпретатора в тотальность горизонта, вскрыть способ и конкретный механизм конституирования. При переходе от феноменологического описания к истолкованию не происходит смены онтологического уровня онтическим, как это характерно для науки, где сначала осуществляется переход от онтики к абстракции, а затем возврат с уровня формального на онтический путем конкретизации теоретического дискурса в подтверждающий, демонстрационный эксперимент.

Герменевтическое истолкование, являясь продолжением феноменологического описания, конститутивно в той же степени, что и само описание. Данный факт лег в основу философской герменевтики Г.-Г. Гадамера. Феномен, как и текст, является смысловым полем и поэтому “живет” лишь в акте восприятия и в процессе интерпретации. Так, по мнению М. Мерло-Понти, “смысл, придаваемый им (произведениям искусства, феноменам - С.Н.) постфактум, исходит из них самих. Само произведение открыло то поле, или пространство значения, откуда оно появилось в новом обличье, в какое-то другое время, это оно совершает метаморфозу и становится своим продолжением, так что из его бесконечных перетолкований правомерны те, которые изменяют его в нем самом (т.е. конституируют феномен в его самоизменении - С.Н.); и если исследователь раскрывает под его видимым содержанием превосходящую это содержание меру и толщу смысла, тканевую основу, подготавливающую произведению долгое будущее, то этот активный способ бытия, эта внутренняя сила, которую он обнаруживает, эта монограмма, находимая им в произведении, могут стать основой философской медитации ...Просто потому, что присущая произведениям внутренняя сила, или способность порождать смыслы, превосходит всякое позитивное отношение причинности или филиации...” [4, с. 40].

Теоретическое объяснение явлений обычно имеет форму дискурса. Достоверность его отдельных положений может быть проверена логически (математически), достоверность же его основания либо утверждается априорно (метафизически), либо берется как эмпирический факт, но тем самым относится к другому онтологическому уровню, нежели сама развертка дискурса. Феноменологический подход призван избежать указанных недостатков: позволяет расположить предмет и знание о нем в одном онтологическом уровне, обеспечив ему, т.о., подлинную достоверность, одновременно не выходя за рамки опыта и, тем самым, избегая метафизических утверждений и спекуляций. Собственно, в установлении опытно-познавательного единомирия и заключается пафос феноменологии.

Феноменологическое описание, в отличие от теоретического дискурса, носит нелинейный характер. В случае исследования феномена как целостности любая его характеристика должна быть рассмотрена как имманентная ему и находящаяся во взаимосвязи с другими его свойствами. Адекватной формой описания такой целостности будет сферически замкнутое повествование, не предполагающее необходимости какого-либо основания вообще. Пример такого недискурсивного описания был предложен Геленом [1] как перспективный метод философской антропологии еще в 20-х г.г. нашего века. Его формула: без А нет В, без В нет С, без С... нет Х, без Х нет А. “А” не будет выходить за рамки феномена, т.е. будет имманентно ему в следующих случаях: 1) когда оно охватывает весь феномен целиком (но тогда описание окажется подменено символом), 2) когда оно является ординарным элементом описания наряду с остальными. Условие «А», которое в дискурсе играло бы роль основоположения, претендуя на некую особую исключительность, в данном случае ничем качественно не отличается от любого другого свойства феномена. Т.о., оно не выпадает за пределы целостности феномена в качестве чего-то предпосланного и не претендует на сущностную исключительность. Для феноменологического исследования не существует проблемы основополо-

жения знания. Представленная схема описания напоминает фигуру герменевтического круга. Целью феноменологического описания является не выявление некой сущности описываемого, а лишь прояснение его очертаний, границ. Если в процессе данной процедуры окажется вскрытой и некоторая часть смыслового горизонта (а это неизбежно), то исследователь получит возможность сделать определенные выводы и о характере включенности изучаемого феномена в структуру жизненного мира.

Если феноменологическая редукция является процедурой приведения всего опыта данного в качестве переживания к единому знаменателю (посредством утверждения “эпохе” относительно его онтологического статуса), то возможно ее проведение следующим образом: 1) классическим, предложенным Гуссерлем, путем - через приведение всего опыта в план “логических переживаний” (логосных переживаний - С.Н.); 2) неклассическим, путем приведения всего опыта не к плану осознания, а к плану переживания. Это и было бы реализацией требования “назад к вещам”, поскольку, т.о. нам удалось бы прорваться сквозь соблазн истины к самой реальности, не исключая из исследования и ее алогического элемента, несущего значительную смысловую нагрузку.

К методам феноменологической герменевтики можно отнести:

1. *Вживание, телесно-психическое вчувствование.*

Текст - часть целостной душевной жизни автора, “объективация”, фиксация этой жизни (Шлейермахер). Он имплицитно несет в себе как смысловой горизонт культурно-исторической эпохи (Дильтей), так и экзистенциально неповторимую индивидуальность автора (Бахтин). Но сам текст, вне его восприятия, не субстанционален. Он несет в себе смыслы, но не имеет в себе “жизненной” бессознательной основы. Текст - лишь информация, фиксированная в знаковой форме, живет же он только в процессе восприятия, интерпретации, поскольку именно воспринимающий его предоставляет свое живое сознание и свою телесно-физиологическую бессознательность, создает необходимые условия для “разворачивания” текста на почве переживания. Эмпатия возможна лишь на основе симпатии. Происходит своеобразное “жертвование” своим “я”, предоставление своей телесности иному “я” - автору текста. Экзистенция, присущая одному человеку, может разворачиваться и жить феноменальным образом в другом, сменяя лишь свою онтическую, но не онтологическую составляющую. Таким способом конечное может преодолевать свою конечность в эмпирическом времени, ибо ограниченность экзистенции и феномена вообще не имеет эмпирического характера. Аналогичным образом и художественный образ, созданный автором, через текст может передаваться и разворачиваться в переживании интерпретатора, на его онтической основе. Развитие одного феномена может происходить “между” двумя, тремя, несколькими - многими экзистенциями, не требуя их слияния.

В итоге, текст (а значит и индивидуальность автора, имплицитно содержащаяся в нем) может организовывать “телесный” опыт интерпретатора, “жить” в нем. Обратным образом, “телесность” интерпретатора способна воспринять переживание текста как неотъемлемый элемент собственного опыта. Интерпретатор имеет возможность дать адекватное истолкование - не в качестве комментария или критики, не путем создания текста о тексте, - а представить результат саморазвития феноменов, транслируемых текстом, выразив его в своей интерпретации. Жизнь текста в интерпретации - это процесс утверждения новых приоритетов в его смысловом поле, происходящий в результате разворачивания латентных, периферийных, но имманентных ему смыслов. Таким образом, можно с полным правом говорить о смещении смысловых акцентов в серии интерпретаций исследуемого текста как о необходимом законе самого процесса истолкования и связанного с ним понимания.

Достоверность процедуры интерпретации может быть гарантирована лишь существованием психического подобия личностных структур автора и его интерпретатора. В указанном случае в “телесности” интерпретатора будет наличествовать необходимый набор “каналов”, благодаря чему окажется возможным процесс организации текстом его экзистенциального опыта, а следовательно, и явленность транслируемых текстом феноменов.

Нами был описан метод, который может быть охарактеризован как метод “включенного” наблюдения-переживания. Он предполагает онтологический, а не гносеологический характер интерпретации. Единственной формой дистанцирования от текста здесь является дистанцирование одних интерпретаций от других, т.е. хронотопное, а не субъект-объектное отстранение. Адекватное истолкование возможно лишь на основе коммуникативных процессов между телесностью и текстом, между индивидуальностью интерпретатора и индивидуальностью автора. Подлинная интерпретация - это всегда результат опыта и соавторства, она укоренена онтологически и носит интересубъективный (точнее, межиндивидуальный) характер. Она требует некой сопричастности (партиципации) участников чему-то общему, либо обоюдной включенности в нечто единое, что подразумевает существование и единого ценностно-смыслового горизонта.

2. *Метод вариации.*

Это своеобразное “внутреннее экспериментирование”, базирующееся на человеческой способности фантазии, воображения, представления единого в множестве образов, составляющих определенную серию. Целью этого метода в качестве герменевтического является не поиск инвариантов (эйдосов), а выявление потенциальных возможностей развития феноменов, способов их разворачивания в смысловой горизонт. Метод вариации позволяет работать с текстом как с феноменологически данным миром, в котором реальность являет себя со всеми имплицитно содержащимися в ней возможностями. Метод вариации - это метод работы с возможными мирами, со способами их разворачивания и реализации. Его применение дает возможность прогнозировать возможные последствия их воплощения. Именно поэтому литература, тексты

вообще могут быть поняты как нечто такое, с чем стоит работать.

Лейбниц мог бы охарактеризовать данную ситуацию следующим образом: человеческая душа-монада включена в мир, она воспринимает его весь смутно, посредством малых перцепций, и выражает его (феноменологически проявляет) каждая на свой манер. Человеческое восприятие мира в целом неограничено, но познание каждого отдельного человека ограничено сферой его рефлексии - сферой его ясных представлений. Всю массу своих смутных восприятий человек “не может извлечь на свет...”, его ясная зона всегда фрагментарна и селективна; формирует она лишь малую зону включаемого монадой мира. Однако, поскольку эта зона варьирует от монады к монаде, нет ничего темного в некоей данной монаде, о чем невозможно было бы сказать: это находится в ясной зоне какой-то другой монады” [2, с. 233]. Задача герменевта заключается в попытке прояснения, концептуализации, категориального схватывания опыта, порождаемого восприятием текста. Истолкователь должен, основываясь на нарративных (повествовательных) свидетельствах, использовать их как трамплин для дальнейших рассуждений и принимать их в качестве фактов (данностей) сознания, которые могут “эмпирически” подтверждать или опровергать концептуальные схемы. Отличие от прогнозирующего логического дискурса основывается на включении в рамки внутреннего опыта переживания, подразумевающим некое принципиально не подлежащее рационализации интерпретативное основание, задающее нелинейность и ассоциативное богатство самой интерпретации.

Метод вариации призван конкурировать как с эмпирически-позитивистским, так и с рационалистически-спекулятивным вырождением философского подхода к исследованию реальности. Его применение позволяет подключить к процессу постижения человеческого мира усилия всего писательского корпуса человечества. Не нужно бояться взаимодействия дисциплин. Маргинальному характеру человека как предмета исследования вполне соответствуют пограничные способы его изучения. Человек сам является “смещением жанров”. Имагинативный опыт - это своеобразная форма опыта феноменологического. Пренебрегать его представленностью в литературе было бы проявлением конфессионального философского снобизма. Более продуктивным является отношение к писателю как к сотруднику в философском исследовании такого специфического предмета, как человек.

3. *Метод траектории.*

Его можно отнести к методам экзистенциальной феноменологии. Указание на его специфику как метода работы с возможными мирами содержится у Ж. Делеза [2]. При экзистенциальном подходе мир перестает быть “аккордом” возможных миров, способных к мирному сосуществованию и взаимодействию ради прогресса на путях совершенствования. “Индивид представляет собой единство, составленное из возможных миров и исключает те, которые невозможны этому возможному... Монада определяется некоторым количеством доиндивидуальных сингулярностей, а значит, возможна всем монадам, чьи сингулярности сходятся с ее сингулярностями, - и не возможна тем, чьи сингулярности имплицитно расходятся или отсутствие продления” [2, с. 111]. Душа-монада “с одной стороны, включает в себя весь мир, который не существует за ее пределами; с другой же стороны, этот мир предполагает первовыбор конвергенции, поскольку он отличается от других миров, возможных, но дивергентных и исключенных из себя рассматриваемой монадой... Если же монада находится в непосредственной связи с принадлежащими к невозможным мирам дивергентным сериям, то... она теперь как будто расположена на стыке нескольких миров... В той степени, в какой мир в наше время состоит из дивергентных серий (хаосмос), а бросок игральные кости заменил собой игру Полноты, монада уже не может включать в себя целый мир, словно в изменяемый посредством проекции замкнутый круг, - но открывается в сторону некоей траектории или расширяющейся спирали, которая непрерывно удаляется от центра... вариация, т.о., отождествляется с траекторией...” [2, с. 242].

Элементы единого феноменального мира довольно четко распределяются человеком по разным онтологическим уровням сознания. Они могут быть отнесены к сферам действительного, воображаемого, реального.

“Действительность”, воспринимаемая сенситивно органами чувств, одна. “Имагинативное” - продукт вариации - бесконечно множественно и ограничено лишь возможностями человеческого разума. Оно рационально, идеально-конструктивно и является плодом комбинаторики. Это кантовский мир-представление, но не объединенный общим трансцендентальным Ego, а конструируемый множеством индивидуальных Ego, способных искусственно выстраивать огромное количество проекций-комбинаций. Это страна-зазеркалье, виртуальный мир.

“Реальность” не одна, но она и не бесконечно множественна. Она представляет собой многообразную явленность действительности в виде спектра “жизненных миров”, составляющих в совокупности человеческий мир. Реальность ограничена не только спекулятивными способностями разума, но и чувствами (переживаниями), порождающими индивидуализированную чувственность (способность ощущений, модифицированную единством “sens communis”). Реальность не эмпирична и не является идеальным представлением разума. Реальность - феноменальна. Она основывается на индивидуальном здоровом смысле, связанном с потребностно-ценностной сферой сознания, и предполагает экзистенциальное переживание достоверности воспринимаемого, опирающееся на специфическую чувствительность “феноменального тела” человека. Переживания реальности окружающего мира и реальности собственного существования имеют общий исток. Это основание не может быть трансцендентно, оно должно быть имманентно присуще человеку, взятому во всей его полноте и целостности.

Метод траектории возводит и идеи, и ощущения (чувственные восприятия) в степень экзистенциаль-

ного - конституирующего - переживания. Метод основывается на “законе непрерывности” и целостности человеческого опыта, представленного в единстве феноменальной реальности жизненного мира человека: “...нельзя сказать, да и невозможно знать, где кончается чувственное и начинается интеллигибельное: это новый способ выразить то, что двух миров не существует” [2, с.115].

Согласно Гете, человек способен к “органическому” восприятию мира в виде его переживания. Способ познания мира, основанный на таком интегральном чувствовании, можно с полным основанием определить как экзистенциально-феноменологический.

Гете отстаивает свое восприятие мира и основанный на нем метод в споре с кантианцем Шиллером. Шиллер, вслед за Кантом, утверждает генетическую разнородность чувственного опыта и мира идей. Гете же, в свою очередь, утверждает, что он “обладает идеями и даже видит их глазами”: “Если Шиллер считает идеями то, что я называю опытом, значит должно существовать и нечто среднее между ними” (цит. по [3, с. 288]). Это “среднее” и есть феномен, феноменальная реальность.

Может иметь место и обратное: трансформация чувственного восприятия в духовное переживание. В одном из писем Рильке (от 12 янв., 1912г.) есть следующее замечание: “...яблоко ...будучи съедено, часто даже еще в процессе еды, превращается в дух.” Рудольф Касснер - во вступительном слове к переписке Рильке... следующим образом прокомментировал это место: “Не следует... делать различий между постижением и вкушением. Точно так же, как их нет в искусстве между образом и сущностью. В конце концов, не должно быть логоса, который не тает на языке...” [5, с.194].

Диалектика “вариации” и “траектории” может быть описана в рамках синергетической концепции бытия. Интерпретатор работает вариативно до тех пор, пока не оказывается втянут в аттрактор “траектории”, когда интерпретация становится его индивидуальным переживанием, частью его жизненного мира. “Траектория” - это феноменальная самореализация “возможного” в ткань экзистенциального существования. Последнее, благодаря порождению в нем “траектории”, предстает нам как нечто направленное, как “бытие-к-...”.

Мир, в том числе и “мир текста”, первичен по отношению к выражающим его индивидам, но лишь виртуальным образом. “Текст” феноменально актуализируется лишь в результате включения в жизненный мир интерпретатора.

Если метод вариации позволяет имагинативно исследовать возможные пути трансформации содержащихся в данном жизненном мире феноменов, то метод траектории сам оказывается конституирующим по отношению к жизненному миру интерпретатора. Нужно учитывать, что его применение может быть чревато необратимыми экзистенциальными последствиями для исследователя.

Совозможный мир, являясь единственным феноменально данным конкретному человеку, конституируя его экзистенциально-индивидуальность (“индивидуальность тела или вещи рождаются не в них” [2, с. 114]), подразумевает возможность некой онтологической селекции, которую называют экзистенциальным выбором. Хотя выбирает здесь не “Я”. Метод траектории, будучи применен к анализу феноменов, позволяет выявить степень их органической сопричастности общему смысловому горизонту в целом, что помогает в выявлении степени их реальности в рамках данного горизонта, либо, наоборот, может вскрыть их онтологическую неукорененность, чужеродность, а значит случайность и недостоверность. Единственным критерием совозможности мира является переживание собственной телесности. Совозможный мир - это мир, в котором возможна феноменально-онтологическая жизнь тела, включающая, наряду с биологическим и физиологическим, также: психическое, рефлексивное и ценностно-смысловое измерения человеческого существа. Совозможный мир принципиально может быть представлен, как Ойкумена: “Дом - это такое место, где тебя не убивают” (Б. Маламуд). Здесь подразумевается возможность включения человека в мир, на основании некоего их онтологического единства. Причем речь здесь идет не о человеке и человеческом мире вообще, а о конкретной индивидуальности и ее специфическом жизненном мире.

Метод траектории позволяет описывать не возможный мир будущего, а реальность - мир “настоящего, чреватого будущим” (Г. Лейбниц). Имея экзистенциальные основания, этот метод является адекватным способом феноменологической работы с индивидуальным жизненным миром.

Методы феноменологической герменевтики могут эффективно использоваться в философской антропологии, а также при реконструкции жизненных миров людей, оставивших какие-либо следы в виде культурных “текстов”.

Литература:

1. Гелен А. О систематике антропологии. // Проблема человека в западной философии. - М.: Прогресс, 1988.
2. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. - М.: Логос, 1998.
3. Людвиг Э. Гете. - М.: Молодая гвардия, 1965.
4. Мерло-Понти М. Око и дух. - М.: Искусство, 1992.
5. Хольтхузен Г.Э. Райнер Мария Рильке. - Челябинск: Урал LTD, 1998.
- 6.